

В ОТВЕТСТВЕННОСТИ за сезон вступает советский театр, сезон, озаглавленный столетием со дня рождения Ленина. Нам нужны большие спектакли, которые сказали бы новое слово в сценической Лениниане. Спектакли, в которых безмерно дорожит каждому советскому человеку понятия — Ленин. Революция. Партия — обрели бы свое вагонное, поэтическое и сугубо индивидуальное для каждого художника, конкретное выражение. Не менее важной работой сезона станут спектакли о нашем сегодняшнем дне, о ленинизме в душах людей, о том, как формировался советского человека годы невиданного в истории труда, невиданной борьбы за коммунистическое общество.

Спектакли юбилейного года должны четко и ясно обозначить глубинные, ведущие тенденции времени. Зритель справедливо жлет от нас сценического героя, который естественно и органично представлял бы во взаимосвязях, в соотношении с эпохой и человечеством, выразил бы самое передовое мировоззрение.

Все мы, советские художники, думаем, работаем над созданием такого героя и, конечно, сделали совместными усилиями немало, но все-таки... все-таки результаты не так емки и значительны, как хотелось бы, — это тоже факт общеизвестный.

ЧЕМ привлекательны лучшие литературные, сценические герои прошлых лет, почему так щедро обогатили наш душевный опыт, надоело стали верными и нужными спутниками? Очевидно, прежде всего потому, что в их внутреннем мире отразилась и сконцентрировалась эпоха, их породившая. Ведь известно, что абстрактных героев не бывает, и только тот воссозданный искусством характер сохраняет свое гражданское, нравственное влияние, способность воздействовать на людей последующих поколений, который связан со своим временем, тысячей неразрывных нитей, несет в себе характерные и неповторимые его черты. Общечеловеческое без конкретно-исторического не существует.

Но случается, в какой-то момент этот характер, именно в силу своей значительности, жизнестойкости, настолько прочно овладевает нами, что мы, порой для себя незаметно, начинаем ожидать, требовать не появления новых героев той же силы, наполненности характеров, героев нашего сегодняшнего времени, а копирования эталонов, абсолютной с ними тождественности в новых литературных и сценических созданиях. В художественной практике такая инерция мышления приводит к попыткам, впрочем, принятым обычно с наилучшими намерениями, вырвать героя из «контекста» одной эпохи, нарушив при этом их сложные и многообразные взаимосвязи, и механически «пересадить» в другую. В результате и герой, и эпоха оказываются чрезвычайно обеднены. Время не стоит на месте, и герой советской драматургии (будем сейчас говорить о ней), увиденный в реальной действительности, сохраняя прелесть в вещах главных, основополагающих, развивается, изменяется во времени, что-то теряет, от чего-то избавляясь, многое накапливая и приобретая. Причем он, герой этот, должен развиваться быстрее, чем когда бы то ни было: наше общественное устройство

создает наилучшие условия для всестороннего раскрытия человеческой личности, и произведения драматургии, естественно, запечатлевают эти жизненные процессы.

Сохраняя в поле зрения непреходящее, общее, искусство обязано улавливать такие вот изменения, осмысливать их — только тогда мы создадим произведения, которые достойно и истинно художественно представили бы наше сегодня.

Естественно, создание на театральной сцене характера, выражающего время в его развитии, — сложнейшее дело, самое, может быть, сложное в нашей работе. Часто не хватает таланта, умения мыслить на заданном современностью уровне. Легко ошибиться, принять случайное за закономерное или, напротив, недооценить того, что действительно прочно и основательно во-

тики полочкам, подобная драматургия уже одним этим выдает свою нежизненность, заданность. Но вот, представьте себе, речь идет, скажем, о Горьком. Что же — записать пьесу «Враги» в рабочую рубрику, а пьесу «Мещане» в семейную, морально-бытовую, объявив на этом основании одну «генеральной», а другую «побочной»? Неправомыслие подобного деления в данном случае самоочевидно. Как и в любом другом случае, когда мы сталкиваемся с настоящей литературой.

Можно об обычном дне обычной семьи написать так, что получится произведение огромного внутреннего масштаба, философского наполнения. Можно значительнейшее историческое событие низвести до мелкозоблобного уровня, подменить масштабность помпезностью. И в то же

ясна и определена, компас надежен и верен. Но ведь мы первопроходцы, мы прокладываем путь, впереди нас никого нету... Так как же в этом движении — без препятствий и неожиданностей, без яростных столкновений со старым! И тяжесть борьбы ложится прежде всего на плечи самых передовых и самых лучших, выковывает их характеры, закаляет нравственность и убеждения. Кому же нужно, от кого нужно скрывать это? И разве сглаживание углов, замалчивание реальных сложностей нашего развития — разве все это не принижает советского человека, создателя и творца, не мельчит истинных масштабов его дел и свершений?

Да, мельчит и принижает, и сама природа драматического искусства очень чутко реагирует на такое принижение, де-

ся к увиденному. Такой вывод, не навязанный, а тактично подсказанный театром, добытый самостоятельной душевной работой зрителя, будет по-настоящему убедительным и прочным.

Я УЖЕ упоминал о том, что у нас существует, к сожалению, мешанская драматургия. Посмотрите последнее из репертуарных сводок, систематически публикуемых журналом «Театр». В числе широко идущих пьес — действительно интересные, значительные, но немало таких, которые попросту спекулируют на интересе зрителей к важным и острым современным проблемам, в частности, проблемам морали и нравственности. Показывая обычную жизнь обычных людей, подобные пьесы просто угнетают своим

«ПРАВО НА НАСТОЯЩЕЕ ВЕЛИКОЕ ИСКУССТВО»

Георгий ТОВСТОНОГОВ, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, народный артист СССР.

дит в жизнь. Говорить о подобных ошибках необходимо и оценивать их следует нелицеприятно. руководствуясь единственно верными марксистско-ленинскими эстетическими принципами. Желание искусственно оградиться от критики или оградить художника от нее никогда не шло на пользу искусству. И здесь очень важно не допускать упоминутую инерцию мышления, ибо она неизбежно будет задерживать искусство на уже завоеванных, уже освоенных рубежах.

СФЕРЫ действительности, в которых предпринимает художник исследования человеческой души предельно многообразны. Скажем, в одном случае герой будет увидеть, осмыслен в момент свершения им главного дела жизни нависшего проявления всех душевных потенций. В другом — пьеса спектакль запечатлеют будни каждогодневный быт героя. Разные художники, в силу особенностей своего дарования, отдадут предпочтение тому или другому подходу, и никак нельзя с абстрактной категоричностью утверждать, что один подход в принципе заведомо лучше, а другой — хуже.

Это азбука творчества, но тем не менее и сейчас еще в театральной среде приходится, например, сталкиваться с абстрактной, на мой взгляд, тематической классификацией: пьеса «на рабочую тему», пьеса «на колхозную тему», на «морально-бытовую тему» и т. д. При этом первые две категории относятся к генеральному направлению театра, показывающему героические свершения народа, третья же подвергается сомнению, как имеющая, в общем-то, право на существование, но постольку-поскольку, ограниченно, не слишком распространено... В такую схему легко, конечно, втиснуть драматургию заурядную и не поднимающуюся до постижения глубин человеческого характера. Не сопротивляясь раскладыванию ее по удобным для вульгарной кри-

времени исторические свершения становятся достоянием такой большой драматургии, как «Оптимистическая трагедия», а пьесы на «семейную» тему, обладающие внешними приметами современного быта, не поднимаются порой выше мешанского морализирования. Тема, сюжет, место действия, избранный материал могут быть глобальны или локальны. Решает в конечном итоге мера таланта художника, партийность его позиции, его верность марксистско-ленинскому мировоззрению и принципам социалистического реализма.

К тому же, на мой взгляд, просто невозможно представить себе серьезную пьесу о жизни современного рабочего, например, которая не затрагивала бы проблем этики и морали. В серьезном искусстве социальное вообще немисливо без нравственного. Сегодня воспитание коммунистической морали, борьба за души людей — одна из важнейших задач нашего общества, а следовательно, и нашего искусства. И надо давать решительный отпор любым попыткам отодвинуть ее на задний план, объявлять второстепенной, не генеральной, из каких бы благих намерений и добросовестных заблуждений такие попытки ни проистекали.

СХЕМАТИЗМ мышления, коль скоро речь идет о герое современной драмы, обнаруживается, помимо прочего, и в сознательном или бессознательном стремлении спрятать его путь, убрать препятствия — из опасения, как бы картина борьбы, преодоления препятствий не представила бы этот путь слишком трудным, не бросила бы таким образом тени на нашу действительность в целом. Подобный взгляд на вещи грешит и непониманием диалектики развития нашей жизни, и пренебрежением элементарными эстетическими законами.

Мы успешно строим новое общество, новую жизнь. Цель

лает очевидным, беспощадно разоблачает его. Ведь конфликт — основа драматургии, выявление человеческого характера в сценическом произведении, помимо конфликта, немисливо. Живой человеческий характер в театральном произведении не состоится, если автор не даст возможности герою проявить себя в действии. Положительным характеристикам зритель в этом случае должен верить на слово, а декларациям в театре кто ж поверит...

Здесь мы сталкиваемся с прямолинейным и утилитарным пониманием оптимизма, не считающимся со спецификой художественного творчества. С пониманием, следуя которому легко перейти грань, отделяющую оптимизм от самодовольства и самовоспокоенности. Искусство выражает общие тенденции, общие процессы через индивидуальные человеческие судьбы, значит, оставаясь искусством, оно не имеет права игнорировать бесконечное многообразие этих судеб. В конце концов в ситуации данной пьесы герой может даже потерпеть поражение. Поражение или победа героя в пьесе сами по себе еще не определяют ее духа, ее направленности. Важны те гражданские, нравственные уроки, которые станут достоянием зрительного зала. Мужество, любовь к жизни, уверенность, может нести и радостный, и драматичный финал. Оптимистическое мироощущение, естественное и принципиальное для советского художника, выражается опять-таки в его взгляде на мир и вовсе не обязательно — в драматургическом сюжете.

Лично мне вообще больше по душе пьесы, спектакли, где нравственный вывод, желательный художнику итог находится как бы за пределами внешней сюжетной линии и постепенно созревает в душе зрителя, заставляя его мысленно еще и еще раз вернуть-

коридорно-кухонным уровнем мышления. Не слишком ли мы притерпелись к ним? До хрипоты спорим о талантливых пьесах, укоряем их авторов, когда они что-то делают не так точно, умно, тонко, как могли бы, — и допускаем на сцену наших театров, не удостоиваем вниманием серьезной критики серый поток, не соответствующий самым минимальным критериям идейности и художественности. Дескать, о чем здесь вообще говорить, это же несерьезно, пусть ставят, пусть смотрят, кому нравится...

Требовательность к таланту естественна и необходима, надеяться на легкую жизнь здесь не приходится, настоящему таланту всегда трудно. Но не случается ли порой, что исподволь, незаметно эта естественная требовательность к таланту мирно соседствует с попустительством ординарности, посредственности, ремесленничества? Мы даем серому потоку возможность спокойно вливаться в русло нашей театральной жизни. Не знаю, из каких соображений, может быть, из соображений ложно понятой гуманности не называем порой вещи своими именами. Вред от такого подхода вряд ли нуждается в обширных разъяснениях и обоснованиях.

ВСЕ, о чем я здесь говорил, — не ново, быть может, элементарно, однако чрезвычайно существенно для нашей повседневной творческой практики. Мне думается, нужно иногда освежать в памяти такие вот простые вещи — нужно хотя бы для того, чтобы эффект от наших усилий был бы максимальным, чтобы были они сосредоточены на главном и не растратывались на решение задач второстепенных, мелких. Ведь работа предстоит громадная. Дело чести и совести советских художников — прийти к ленинскому юбилею с произведениями, достойными времени, народа, партии, ее великого основателя.

МОСКВА
1989
9